

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Рождественский

**Видение пророка
Иезекииля на реке Ховар**

Опубликовано:
Христианское чтение. 1895. № 9-10. С. 233-266.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Видѣніе пророка Іезекііля на рѣкѣ Ховарь.

II ¹⁾.

ЕВРЕЙСКІЕ ученые придавали весьма важное значеніе видѣнію пророка Іезекііля на рѣкѣ Ховарь. Подобно тому какъ богословіе естественное, объяснявшее тайны природы, они называли словомъ *בראשית* *бэрешит*, т. е. связывали его съ первою главою книги Бытія, такъ богословіе мистическое, метафизическое евреи обозначали названіемъ *מרכב* *меркаб*— „колесница“: такъ называли они видѣніе на рѣкѣ Ховарь, имѣвшее подобіе колесницы Божіей. На основаніи этого видѣнія дѣлали множество заключеній относительно сущности Божества и вообще относительно высшаго духовнаго міра,—заклученій иногда довольно смѣлыхъ и носившихъ гностически-мистическій характеръ. Но мы должны придавать словамъ пророка только тотъ смыслъ, какой онъ самъ соединяетъ съ ними, и не пускаться въ шаткія предположенія и догадки; ближайшимъ и надежнѣйшимъ пособіемъ при выясненіи смысла видѣнія долженъ служить для насъ библейскій контекстъ.

На берегахъ рѣки Ховарь пророкъ удостоился лицезрѣть самого Господа, благоволившаго явиться ему въ образѣ чловѣка; это ясно изъ заключительныхъ словъ пророка: *сіе видѣніе подобіе славы Господни*. „Слава Господня“—это обычное въ Св. Писаніи выраженіе для обозначенія того полнаго блеска и великолѣпія вида, въ которомъ Господь являлся иногда своему народу или избраннымъ представителямъ его. Такъ, слава Господня являлась избранному народу въ пустынь (Исх. XVI, 7. 10) и

¹⁾ Окончаніе. См. IV вып. «Христ. Чтенія».

на горѣ Синайской (Исх. XXIV, 16), она наполняла скинію (Исх. XL, 34) и храмъ Соломоновъ (3 Цар. VIII, 11. 2 Пар. VII, 1); у пророка же Іезекіиля это выраженіе встрѣчается очень часто. Останавливаясь на обстоятельствахъ, при которыхъ обычно являлась слава Господня, мы замѣчаемъ, что чаще всего ея явленіе такъ или иначе связывается съ скиніей или храмомъ. Въ книгѣ пророка Іезекіиля мы находимъ, что кромѣ явленія славы Божіей, описаннаго въ первой главѣ, только однажды она явилась ему внѣ непосредственнаго отношенія къ храму (III, 23), во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ книги, гдѣ упоминается о явленіи славы Божіей, она является пророку въ храмѣ или около храма, (VIII, 2. 4. IX, 3. X, XI, 22. XLIII, 4). Пророкъ Исаія, созерцавшій, подобно Іезекіилю, славу Божію, видѣлъ ее также въ храмѣ: *видѣхъ Господа сядяща на престолѣ высоцѣ и презонесеннѣ, и исполнѣ домъ славы Его* (Ис. VI, 1), — подъ *домомъ* לְבַיִתָּא *гаекаль* здѣсь разумѣется именно храмъ. Въ храмѣ, какъ ранѣе въ скиніи, было мѣсто особаго присутствія Божія; самъ Господь избралъ это мѣсто для своего общенія съ людьми: *и познанъ буду тебѣ оттуда*, говорилъ Господь Моисею; *и возлагаю тебѣ съ верху очистилища между двѣма херувимы, яже суть надъ кивотомъ свидѣнія* (Исх. XXV, 22 ср. Числ. VII, 89). Такимъ образомъ явленіе славы Божіей надъ четырьмя животными—херувимами должно было обратить мысль пророка Іезекіиля къ храму Іерусалимскому, какъ къ мѣсту чрезвычайнаго пребыванія славы Божіей надъ ковчегомъ завѣта. Какъ видно изъ дальнѣйшихъ II—III главъ, непосредственная, ближайшая цѣль явленія Господа Іезекіилю заключалась въ призваніи его на пророческое служеніе. Но этимъ не исчерпывается цѣль этого явленія и не объясняется его форма, тѣ образы, въ которыхъ Богъ благоволилъ явиться пророку. Если бы Господь являлся Іезекіилю только для посвященія его во пророка, то одного явленія было бы совершенно достаточно для этого. Между тѣмъ мы видимъ, что пророкъ неоднократно созерцалъ славу Божію, причемъ часто отмѣчалъ тождественность послѣдующихъ явленій съ видѣніемъ на рѣкѣ Ховаръ (III, 23.

VIII, 4. X, 20. XLIII, 3). Если мы вникнемъ въ эти послѣдующія явленія пророку Іезекіилю славы Божіей, то поймемъ цѣль и смыслъ какъ этихъ явленій, такъ и видѣнія на рѣкѣ Ховарь. Мы замѣтимъ, что въ этихъ явленіяхъ особенно выступаютъ два момента, имѣющіе значеніе центровъ, вокругъ которыхъ вращается вся проповѣдь пророка. Въ началѣ своей книги пророкъ рассказываетъ, какъ слава Божія покидаетъ храмъ и Іерусалимъ, оскверненные грѣхами народа еврейскаго и предназначенные Богомъ къ гибели (главы VIII—XI); въ концѣ же книги пророкъ повѣствуетъ о новомъ храмѣ, построенномъ въ новомъ Іерусалимѣ, и о томъ, какъ *слава Господня вниде въ храмъ по пути вратъ зрящихъ на востокъ* (XLIII, 4). Эти два событія занимаютъ настолько выдающееся положеніе въ пророческой дѣятельности Іезекіиля, что содержаніе его проповѣди кратко можно было бы опредѣлять такъ: пророкъ говорилъ о разрушеніи перваго храма и о будущемъ построеніи новаго, лучшаго и совершеннѣйшаго. Отсюда ясно, что и видѣніе на рѣкѣ Ховарь имѣло своею цѣлію указать пророку Іезекіилю на главный предметъ его будущей проповѣди, обратить его мысль къ храму Іерусалимскому, который долженъ былъ имѣть столь важное значеніе въ его послѣдующей дѣятельности. Изъ этой цѣли выясняется отчасти и характеръ отдѣльныхъ образовъ видѣнія на рѣкѣ Ховарь: мы увидимъ, что предшествовавшія ему явленія,—бурный вѣтеръ, огненное облако, шедшее съ сѣвера,—были признаками грознаго, устрашающаго характера, а послѣдній образъ видѣнія, отмѣченный пророкомъ,—радуга вокругъ Сидѣвшаго на престолѣ,—служилъ символомъ прощенія и милости. И въ этомъ можно видѣть отраженіе общаго смысла видѣнія на рѣкѣ Ховарь въ связи съ содержаніемъ проповѣди пророка Іезекіиля: эта проповѣдь должна была сначала носить грозный, обличительный характеръ, указывать на грѣхи народа израильскаго и на возмездіе за нихъ, а въ послѣдствіи должна была перейти къ утѣшенію плѣнниковъ и къ возвѣщенію имъ лучшей участи.

Время и мѣсто видѣнія, описаннаго пророкомъ Іезекіилемъ

въ 1-й главѣ своей книги, заставляють предполагать, что это видѣніе имѣло еще и другое значеніе, кромѣ указаннаго. Пророкъ созерцалъ это видѣніе въ пятый годъ плѣненія царя Іоахина, когда царство іудейское еще существовало, но значительная часть евреевъ, самые знатные и способные жители Іерусалима были отведены въ плѣнъ. Посреди этихъ плѣнниковъ, на рѣкѣ Ховарь, и является пророку Іезекіилю слава Божія, притомъ является въ тѣхъ именно образахъ, въ какихъ Богъ благоволилъ являться среди избраннаго народа Своего, какъ Богъ завѣта и податель всякихъ благъ. Отсюда естественно заключить, что Господь, явившись среди плѣнниковъ, въ чуждой землѣ, имѣетъ въ виду показать, что Онъ не отринулъ народа своего, хотя послѣдній и отступилъ отъ Него, нарушилъ свой завѣтъ съ Нимъ; невѣрный народъ несетъ уже наказаніе за свое отступленіе отъ Бога и понесетъ его еще въ большихъ размѣрахъ, но Богъ и въ плѣну не оставитъ народа Своего и не измѣнитъ Своему завѣту съ нимъ. Такимъ образомъ видѣніе пророка Іезекіиля на рѣкѣ Ховарь имѣло важное значеніе не только для самого пророка, такъ какъ Господь явился ему для избранія его на пророческую дѣятельность и для указанія ему общаго содержанія и характера этой дѣятельности; данное видѣніе было важно и для всего народа израильскаго: оно показывало ему, что Господь и въ плѣну не оставилъ своего народа, и отъ самого народа зависитъ возвратить себѣ милость и благоволеніе Божіе.

Таково общее значеніе видѣнія на рѣкѣ Ховарь. Но это видѣніе было весьма сложное, состояло изъ множества отдѣльных образовъ, въ которыхъ Господь благоволилъ явить пророку Свою славу. Всѣ эти отдѣльные образы, частныя черты видѣнія должны имѣть свое значеніе; слѣдуетъ опредѣлить смыслъ каждаго изъ этихъ образовъ, пользуясь для этого тѣми данными, которыя представляетъ намъ сама Библия: почти всѣ образы, изъ которыхъ слагалось видѣніе пророка Іезекіиля, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Библии, хотя только по одиночкѣ и не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ въ книгѣ пророка Іезекіиля. Отмѣтимъ здѣсь только два мѣста Библии, гдѣ описы-

ваются видѣнія, близкія по нѣкоторымъ частностямъ къ видѣнію Іезекіиля на рѣкѣ Ховарь. Это видѣнія пророка Исаи и св. Іоанна Богослова. Пророкъ Исаія въ началѣ VI-ой главы своей книги описываетъ явленіе ему въ храмѣ *Господа, сѣдѣща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*. Вокругъ стояли серафимы, имѣвшіе по шести брыль: *и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя, и двѣма летаху*. Они громко взывали: *святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ: исполнь вся земля славы Его* (ст. 1—3). Подъ престоломъ Божиимъ или около него находился жертвенникъ, съ котораго серафимъ взялъ клещами горящій уголь, чтобы очистить имъ грѣхи Исаи (ст. 6—7). Св. Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ описываетъ подобное же видѣніе. Онъ видѣлъ престолъ на небѣ и на немъ Сидѣщаго; *и сѣдѣй бѣ подобенъ камени іаспису и сардинови, и бѣ дуга окрестъ престола подобна видѣніемъ смарагдови* (Апок. IV, 1—3). Вокругъ престола было двадцать четыре престола, и на нихъ сидѣли двадцать четыре старца въ бѣлыхъ одеждахъ и съ золотыми вѣнцами на головахъ. Отъ престола исходили молніи и громы и гласы; передъ нимъ горѣло семь свѣтильниковъ, *и же суть семь духовъ Божіихъ. И предъ престоломъ море стекляно, подобно кристаллу. И посреде престола и окрестъ престола четыре животна исполнена очесъ спреди и созади; и животна первое подобно льву, и второе животна подобно телцу, и третіе животна имущее лице яко человекъ, и четвертое животна подобно орлу летящу. И животна четыре едино коеждо ихъ имѣяху по шесть крыль окрестъ, и внутрѣду исполнена очесъ; и покоя не имутъ день и ношь, глаголюще: святъ, святъ, святъ Господь Богъ Вседержитель, и же бѣ и сый и грядый* (ст. 4 — 8). Изъ приведенныхъ мѣстъ ясно, въ чемъ сходство и различіе описанныхъ здѣсь видѣній съ видѣніемъ пророка Іезекіиля. Не говоря о большей сложности послѣдняго, различіе этихъ видѣній особенно ярко выступаетъ въ описаніи животныхъ, стоявшихъ вокругъ престола Божія: какъ у пророка Исаи, такъ и въ Апокалипсисѣ они имѣютъ по шести крыль, а не по четыре; у про-

рока Исаи они называются серафимами, а въ Апокалипсисѣ каждое изъ нихъ имѣеть особое лицо. Но въ общемъ всѣ три видѣнія имѣють много сходныхъ чертъ, особенно въ описаніи Сидящаго на престолѣ. Господь благоволилъ неодинаково являться различнымъ избранникамъ Своимъ, въ каждомъ явленіи отдѣльные образы должны были соответствовать той цѣли, какую оно имѣло. Переходимъ къ опредѣленію значенія отдѣльныхъ образовъ видѣнія пророка Іезекіиля на рѣкѣ Ховарь.

Явленія, предшествовавшія этому видѣнію, имѣли, какъ уже замѣчено, грозный, устрашающій характеръ. Даже то обстоятельство, отмѣченное пророкомъ, что видѣніе приближалось къ нему отъ сѣвера, должно было въ глазахъ пророка быть признакомъ несчастія. Отъ сѣвера именно іудеи привыкли ожидать несчастій для своей страны. Сѣверъ Палестины представлялъ единственно удобный путь для азіатскихъ завоевателей, такъ какъ съ востока она защищена трудно проходимыми пустынями. *Отъ лица сѣвера возгорятъ злая на вѣсть обитающихъ на земли*, говорилъ Господь устами пророка Іереміи (Іер. I, 14), и это указаніе на сѣверъ, какъ на страну, откуда придутъ несчастія на еврейское царство, повторяется у пророка Іереміи неоднократно (напр., IV, 6. VI, 1)⁶⁰). Отъ сѣвера приближались къ про-

⁶⁰) Не заслуживало бы собственно и упоминанія мнѣніе рационалистовъ, будто видѣніе приближается отъ сѣвера потому, что тамъ находилась «гора боговъ», или жилище боговъ (Rosenmüller p. 23, Hitzig S. 5, Smend S. 7, oo. cc.). Языческій мнѣ о «горѣ боговъ», вродѣ греческаго Олимпа, если и отмѣченъ въ Библии, то именно какъ ложное мнѣніе язычниковъ, отъ своего же лица Библия нигдѣ не говоритъ ничего подобнаго. Такъ, о такой горѣ, находящейся на сѣверѣ, говорится въ книгѣ пр. Исаи отъ лица царя вавилонскаго (Ис. XIV, 13) и въ книгѣ пр. Іезекіиля—отъ лица царя тирскаго (Іез. XXVIII, 14. 16). И дѣйствительно, языческіе цари въ своемъ самообожаніи думали, что они призваны «къ вѣчному сидѣнію въ обители мировой горы», которая и есть гора Аралу, обитель боговъ (Frdr. Delitzsch, Wo lag das Paradies? Leipzig 1881, S. 117—118, ср. И. С. Якимовъ, Толкованія на кн. пр. Исаи I, стр. 237). Возможно, что такое вѣрованіе языческихъ царей и имѣеть въ виду Библия, когда обличаетъ ихъ гордость. Но возможно и то, что указанные мѣста книгъ пр. Исаи и Іезекіиля невѣрно поняты современными толкователями: въ переводѣ LXX-ти въ этихъ мѣстахъ нѣтъ и рѣчи о «горѣ боговъ», а «гора Божія», можетъ означать просто гору Сионъ. По крайней мѣрѣ въ двухъ другихъ мѣстахъ указываемыхъ рационалистами: Ис. XLVII, 3. и Іов. XXXVII, 2, несомнѣнно о «горѣ боговъ» ничего не говорится.

року бурный вихрь, великое облако и клубящийся огонь. Все это—признаки явленія Бога Судіи и Отмстителя. Буря и вихрь часто являются символами наказанія Божія (Ис. XXIX, 6. Іер. XXIII, 19. Наум. I, 2—3). Облако служитъ въ Библии символомъ, явленія Божія, безъ указанія на характеръ этого явленія. Господь Самъ говоритъ: *во облакъ явлюся надъ очистилищемъ* (Лев. XVI, 2); и дѣйствительно, облако служило знакомъ присутствія Божія въ средѣ своего народа во время хожденія его по пустынѣ, присутствія Божія въ скинии и храмѣ Соломоновомъ (3 Цар. VIII, 10). Но огонь всегда является символомъ гнѣва Божія: *Господь Богъ твой—огнь потребляяй есть, Богъ ревнитель*, говоритъ Моисей народу еврейскому (Втор. IV, 24), а далѣе и Самъ Господь говоритъ о Себѣ: *яко ѡгнь возгорится отъ ярости моя, разжжется до ада преисподняго* (Втор. XXXII, 22). Въ соединеніи съ этими признаками гнѣва Божія,—бурнымъ вѣтромъ и огнемъ,—и облако пріобрѣтаетъ такое же значеніе. Въ книгѣ пророка Наума *Богъ ревнивъ и мстѣй Господь* описывается такими чертами: *въ скончаніи* (евр. въ вихрѣ) *и трусь путь Его, и облацы прахъ ногъ Его* (Наум. I, 2—3). Пророкъ Іоиль, описывая *день Господень*, т. е. день суда и наказанія Божія, говоритъ о немъ такъ: *день тмы и бури, день облака и млы,—яже предъ нимъ—огнь потребляяй, и яже за нимъ—возгараяся пламень* (Іоил. II, 1—3). Въ псалмѣ 96-мъ о Господѣ говорится: *Облакъ и мракъ окрестъ Его, правда и судба исправленіе* (т. е. основаніе) *престола Его; огнь предъ Нимъ предъидетъ и попалитъ окрестъ враги Его* (ст. 2—3).

Такимъ образомъ тѣ явленія, которыми началось видѣніе на рѣкѣ Ховарь, носили характеръ грозный и устрашающій, указывали на то, что Богъ является пророку въ качествѣ Судіи измѣнившаго Ему народа еврейскаго, для возвѣщенія наказанія, котореѣ постигнетъ этотъ народъ. Но здѣсь же, среди облака и огня, пророкъ увидѣлъ *яко видѣніе иллектра посредь огня*: „послѣ суда и наказаній“, говоритъ блаж. Іеронимъ, „которыя кажутся горестными и тяжелыми для подвергающихъ имъ, является драгоцѣннѣйшее сіяніе иллектра (показывающее), что все управ-

ляется провидѣніемъ Божиимъ и то, что считается наказаніемъ, есть врачеваніе“⁶¹). Илектръ, подобный зарѣ (Иез. VIII, 2), издающій тихій, спокойный блескъ, можетъ служить символомъ умилоствленія Божія, прекращенія гнѣва на наказанный народъ и обѣщанія новыхъ благодѣяній ему. Различіе между значеніемъ спокойнаго сіянія илектра съ одной стороны и огня съ другой ясно изъ слѣдующихъ словъ пророка Исаи: *и будетъ свѣтъ израилевъ во огнь* для враговъ Израиля, *и поястъ яко стѣно вещество* (Ис. X, 17); наказаніе, гнѣвъ Божій изображаются здѣсь символомъ огня, а милость Божія—символомъ свѣта, сіянія. *Видѣніе илектра*, издали замѣченное пророкомъ Іезекиилемъ среди облака и огня, было отраженіемъ славы Божіей, номѣщавшейся надъ головами животныхъ - херувимовъ и описанной пророкомъ только въ концѣ 1-ой главы. Но въ виду того, что *слава Господня* имѣетъ первенствующее значеніе во всемъ видѣніи, мы разсмотримъ сначала тѣ черты, которыми пророкъ описываетъ эту славу Господню, а затѣмъ перейдемъ и къ значенію животныхъ и ихъ колесъ.

Надъ головами животныхъ-херувимовъ, какъ бы опираясь на ихъ распростертыя крылья, находилась *твердь*, сводъ, подобный кристаллу, а надъ этимъ сводомъ было *яко видѣніе камене сапфира*, служившее подножіемъ для престола. Изъ книги Исходъ, XXIV, 10, ясно видно, что этотъ сводъ и подножіе совершенно подобны тѣмъ, которые видѣли Моисей и Ааронъ, Надавъ и Авіудъ и 70 старѣйшинъ израилевыхъ на Синаѣ, на мѣстѣ, *идѣже стояше Богъ израилевъ*. Мы видѣли, что въ видѣніи св. Іоанна Богослова *предъ престоломъ* Божиимъ является *море стекляно, подобно кристаллу* (Апок. IV, 6). Всѣ эти образы: твердь, прозрачная какъ кристаллъ, и сапфировое подножіе,—очевидно представляютъ собою небо; престолъ Божій утверждается какъ бы непосредственно на небесномъ сводѣ. Въ книгѣ пророка Исаи, (LXVI, 1,) Господь говоритъ: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ*; здѣсь — тотъ же образъ,

⁶¹) Migne, Patrologiae ser. lat. XXV, col. 20.

только нѣсколько видоизмѣненный. Господь является пророку Іезекіилу сидящимъ на престолѣ. Престолъ указывалъ на величіе и всемогущество Божіе и на Его высочайшую власть надъ всѣмъ міромъ; поэтому Господь неоднократно изображается въ Св. Писаніи сидящимъ на престолѣ. Такъ въ отмѣченныхъ выше видѣніяхъ пророка Исаіи и св. Іоанна Богослова Господь является сидящимъ *на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Ис. VI, 1); пророкъ Михей видѣлъ *Господа Бога Израилева сидящаго на престолѣ своемъ, и все воинство небесное стоящее окрестъ его, одесную его и ошуюю его* (3 Цар. XXII, 19); и *Ветхій денми* является пророку Даніилу сидящимъ на огненномъ престолѣ (Дан. VII, 9). Вокругъ Сидѣвшаго на престолѣ пророкъ Іезекіиль видѣлъ сіяніе, подобное радугѣ; радуга, по сравненію съ значеніемъ ея въ разсказѣ о потопѣ (Быт. IX, 12 сл.), и здѣсь означаетъ Божіе милосердіе и прощеніе. Тамъ она была знакомъ того, что Господь не будетъ болѣе наказывать людей потопомъ; здѣсь, въ видѣніи пророка Іезекіиля, она указывала на будущее примиреніе Господа со своимъ народомъ и со всѣмъ грѣшнымъ человѣчествомъ, на новый завѣтъ съ нимъ.

На подобіи престола пророкъ Іезекіиль увидѣлъ *подобіе якоже видѣ человекъ сверху*. Господь благоволилъ явиться пророку во образѣ человѣка, подобно тому, какъ Онъ и другимъ лицамъ въ ветхомъ завѣтѣ часто являлся въ человѣческомъ образѣ. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія. Почему Господь, если Онъ является въ одушевленномъ образѣ, всегда избираетъ для этого образъ человѣка, со всѣми его признаками? Рядомъ съ Господомъ являются *шестокрилатіи серафими и многоочитіи херувими*, послѣдніе даже съ формами различныхъ животныхъ, Господь же всегда является только въ человѣческомъ образѣ. Только тѣло и одежда Его отличаются особымъ великолѣпіемъ и чистотой. По описанію пророка Іезекіиля, верхняя часть тѣла Сидѣвшаго на престолѣ была подобна иллектру, нижняя же была покрыта огнемъ, какъ бы одеждой. По словамъ св. Іоанна Богослова, *судяй бѣ подобенъ камени іаспису и сардинови* (Апок. IV, 3). Пророкъ Даніиль въ одномъ мѣстѣ своей книги гово-

рять о Ветхомъ денни: *одежда Его бѣла аки снѣгъ, и власы главы Его аки волна чиста* (Дан. VII, 9), въ другомъ описываетъ Мужа, *облечена въ ризу льняну: чресла Его препоясана златомъ свѣтлымъ, тѣло же Его аки Фарсисъ, лице же Его аки зрѣніе молніи, очи же Его аки свѣщцы огненны, и мышцы Его и голени аки зракъ мѣди блестящіяся, гласъ же словесъ Его аки гласъ народа* (Дан. X, 5—6). Подобнымъ же образомъ описывается въ Апокалипсисѣ *Подобенъ Сыну Человѣчу* (I, 13—16). Такимъ образомъ, при всемъ великолѣпіи, въ которомъ Господь благоволилъ иногда являться людямъ, Онъ всегда являлся во образѣ человѣка. Чѣмъ же объясняется такое обстоятельство? Удовлетворительное объясненіе для него можно найти только въ Новомъ Завѣтѣ, въ воплощеніи Сына Божія. Всѣ явленія Божія въ Ветхомъ Завѣтѣ указывали на то, что настанетъ время, когда Богъ сойдетъ на землю во образѣ человѣка, сдѣлается совершеннымъ человѣкомъ, не переставъ быть совершеннымъ Богомъ. Вотъ почему древніе христіанскіе толкователи въ явленіи Бога пророку Іезекіилю видѣли указаніе на пришествіе Христово. Замѣтимъ еще, что св. новозавѣтные писатели часто употребляли выраженіе: *слава Божія* въ примѣненіи къ Іисусу Христу (Іоан. I, 14. Евр. I, 3); Евангелистъ Іоаннъ приводитъ слова изъ VI-й главы книги пророка Исаіи (ст. 9—10) и затѣмъ прибавляетъ: *сія рече Исаіа, егда видѣ славу Его* (Сына Божія) *и глагола о Немъ* (Іоан. XII, 41). Между тѣмъ видѣніе Исаіи, описанное въ 6-й главѣ, очень сходно съ видѣніемъ пророка Іезекіиля на рѣкѣ Ховаръ, — значитъ, и въ послѣднемъ должны быть признаки, указывающіе на пришествіе Христово. Такимъ признакомъ слѣдуетъ признать именно явленіе Бога во образѣ человѣка; оно указывало на то, что Богъ настолько возлюбилъ человѣка, что нѣкогда для его спасенія явится на землю въ человѣческомъ образѣ.

Господь явился пророку Іезекіилю, воссѣдая надъ головами четырехъ животныхъ, которыхъ пророкъ весьма подробно описываетъ. Однако, несмотря на такую подробность описанія, опредѣлить значеніе этого образа довольно трудно. При описаніи

видѣнія на рѣкѣ Ховарь пророкъ нигдѣ не называетъ этихъ животныхъ иначе, какъ только *хайиот*, „живыя существа“, и только начиная съ IX-ой главы сообщаетъ ихъ настоящее имя: *гаккерубим*, „херувимы“. О херувимахъ упоминается въ Св. Писаніи и раньше пророка Іезекііля. Такъ, въ III-ей главѣ книги Бытія говорится, что по изгнаніи прародителей изъ рая, Господь *пристави Херувима и пламенное оружіе обращающее, хранити путь древа жизни* (Быт. III, 24). Изъ этого мѣста невозможно еще съ точностью заключить ни о внѣшнемъ видѣ херувимовъ, ни о томъ даже, говорится ли здѣсь объ одномъ или о нѣсколькихъ херувимахъ. На основаніи того, что въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія иногда употребляется и форма *כַּרְבֻּבַי* *кэрүб*, въ единственномъ числѣ (Исх. XXV, 19), можно заключить, что употребленное здѣсь множественное число *гаккерубим* нельзя принимать въ смыслѣ *pluralis majestatis*, подобно *элогим* „Богъ“, и что здѣсь говорится о нѣсколькихъ херувимахъ. Съ другой стороны, такъ какъ пламенный мечъ обращающійся можетъ быть мыслимъ только въ рукахъ у херувима, то отсюда вытекаетъ предположеніе, что херувимы, поставленные на пути къ древу жизни, по своему внѣшнему виду были подобны человѣку. Подробнѣе описываются изображенія херувимовъ, находившіяся въ скиніи и въ храмѣ Соломоновомъ. Въ скиніи изображенія херувимовъ находились въ трехъ мѣстахъ. Прежде всего, во Святомъ Святыхъ два изваянныхъ изъ золота херувима возвышались надъ крышкою ковчега завѣта съ обоихъ концовъ ея: *да сотвориши два херувима на обоиъ странахъ*, говорилъ Господь Моисею: *да будутъ херувими равнорасправляюще крыла верху, сооспяюще крилами своими надъ очистилищемъ, и лица ихъ ко другъ другу, на очистилище будутъ лица херувимска* (Исх. XXV, 18—20). Во вторыхъ, завѣса, закрывавшая входъ во Святое Святыхъ, была украшена вытканными на ней изображеніями херувимовъ (Исх. XXVI, 31). Въ третьихъ, наконецъ, такія же изображенія были вытканы на десяти покрывалахъ скиніи (Исх. XXVI, 1). Очевидно, послѣднія изображенія должны были вполнѣ соответствовать тому виду херувимовъ, который они имѣли на

крышкѣ ковчега завѣта. Но и изъ приведеннаго описанія этихъ послѣднихъ херувимовъ невозможно съ достаточною точностью опредѣлить подробностей ихъ внѣшняго вида. Можно только догадываться, что и здѣсь херувимы имѣли видъ человѣческій, отличаясь отъ человѣка только крыльями. Несомнѣнно то, что они имѣли по одному лицу и по два крыла; никакое иное представленіе ихъ вида не будетъ соотвѣтствовать приведенному мѣсту книги Исходъ. Въ храмѣ Соломоновомъ находились такія же изображенія херувимовъ, какъ и въ скинии, только значительно большихъ размѣровъ и не изъ чистаго золота, а изъ дерева, обложеннаго золотомъ (3 Цар. VI, 23—28. 2 Пар. III, 10—13). Изображенія херувимовъ находились и во многихъ другихъ мѣстахъ храма: на стѣнахъ внутри его, на дверяхъ, ведшихъ изъ святилища во святое святыхъ, и на завѣсѣ при нихъ, наконецъ— на десяти мѣдныхъ подставахъ для умывальницъ; на послѣднихъ фигуры херувимовъ были изваяны вмѣстѣ съ фигурами львовъ, воловъ и палымъ (3 Цар. VI, 29. 32. 35. VII, 29. 36. 2 Пар. III, 7. 14). Изъ всего этого видно, что при изготовленіи изображеній херувимовъ Соломонъ подражалъ тому ихъ виду, который былъ данъ въ скинии; и въ храмѣ Соломоновомъ херувимы имѣли, по всей вѣроятности, видъ крылатаго человѣка. Обращаетъ на себя вниманіе одно мѣсто 3-ей книги Царствъ, гдѣ говорится: *И внесоша іереи кивотъ завѣта Господня на мѣсто его въ давиръ храма, во святая святыхъ, подъ крила херувимовъ; херувими бо бѣша распростерши криль надъ мѣстомъ кивота: и окриваху херувими надъ кивотомъ и надъ святыми его сверху* (3 Цар. VIII, 6—7). Это мѣсто заставляетъ предполагать, что въ храмѣ Соломоновомъ было четыре херувима надъ ковчегомъ завѣта: два литыхъ изъ золота, прикрѣпленныхъ къ крышкѣ ковчега и перенесенныхъ въ храмъ изъ скинии Моисеевой, и два деревянныхъ, обложенныхъ золотомъ и гораздо большихъ по размѣру, чѣмъ первые. Такое представленіе дѣла съ необходимостью вытекаетъ изъ приведенныхъ словъ: два херувима были приготовлены Соломономъ заранѣе, до перенесенія въ храмъ ковчега завѣта, и для послѣдняго было приготовлено

мѣсто подѣ ихъ крыльями; ковчегъ же былъ перенесенъ въ храмъ, несомнѣнно, со своею крышкою, къ которой были прикрѣплены херувимы: крышка безъ херувимовъ и ковчегъ безъ крышки немислимы. Въ XXVIII-ой главѣ 1-ой книги Паралипоменонъ, гдѣ содержится завѣщаніе Давида Соломону о построеніи храма въ Іерусалимѣ, говорится между прочимъ, что Давидъ показалъ Соломону *и подобіе колесницы херувимовъ простирающихъ крила и оспняющихъ надъ кивотомъ завѣта Господня* (1 Пар. XXVIII, 18); два херувима едва ли бы могли быть названы подобіемъ колесницы, естественнѣе думать, что такъ называются здѣсь именно четыре херувима, стоявшіе въ храмѣ Соломоновомъ надъ ковчегомъ завѣта. Совершенно понятна связь между четырьмя херувимами храма и четырьмя животными—херувимами въ видѣніи пророка Іезекіиля: слава Господня является пророку сопутствуемая тѣми самыми образами, изображенія которыхъ находились въ храмѣ Соломоновомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проявлялось чрезвычайное присутствіе Божіе, и этимъ мысль пророка направляется именно къ храму и его судьбамъ, какъ главному предмету его будущей проповѣди.

Мы опускаемъ тѣ случаи, когда о херувимахъ упоминается только вскользь, такъ какъ всѣ такіе случаи опираются или на вышеприведенныя описанія херувимовъ, или на видѣніе пророка Іезекіиля. Переходимъ теперь къ объясненію послѣдняго. Наибольшимъ распространеніемъ, особенно среди протестантскихъ ученыхъ, пользуется то мнѣніе, что херувимы имѣютъ только символическое, а не реальное значеніе: они служатъ только символами полноты жизни и реально не существуютъ⁶²⁾. Такое мнѣніе опирается главнымъ образомъ на то, что херувимы въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ являются не въ однѣхъ и тѣхъ же образахъ: въ видѣніи пророка Іезекіиля они не таковы, каковыми были въ храмѣ и скиніи, въ Апокалипсисѣ не таковы, какъ въ книгѣ пр. Іезекіиля. Но это нисколько не подрываетъ реальности существованія херувимовъ: хотя они и сотворенныя су-

⁶²⁾ Vitranga, Baehr, Hengsterberg, cp. E. C. A. Riehm, De natura et notione symbolica cheruborum, Basileae et Ludoviciurgi 1864; Schroeder a. a. O. S. 35 ff. etc.

щества, но не имѣють тѣла, они ангелы, безплотные духи, принимающіе тотъ или другой тѣлесный видъ только при своемъ явленіи человѣку, который иначе не могъ бы ихъ видѣть; если же такъ, то отъ ихъ собственной воли (или—вѣрнѣе—отъ воли Божіей) зависитъ принять тотъ или другой видъ въ томъ или другомъ случаѣ, въ зависимости отъ частныхъ цѣлей ихъ явленія. И если въ скинии и храмѣ были ихъ изображенія, то эти изображенія вовсе не говорили объ ихъ дѣйствительномъ видѣ; ихъ форма соотвѣтствовала ихъ назначенію: прикрывать святыню отъ нескромныхъ взоровъ и выражать благоговѣніе къ ней положеніемъ своего тѣла и лица. А что херувимы не были созданіемъ фантазіи, что они суть существа реальныя, это ясно доказывается изъ книги Бытія III, 22—24, гдѣ говорится о херувимахъ, охранявшихъ путь къ древу жизни: если,—что несомнѣнно,—этотъ рассказъ есть повѣствованіе о событіи историческомъ, а не мифъ, если рай и грѣхопаденіе, со всѣми его печальными послѣдствіями для человѣческаго рода суть дѣйствительные факты, то и херувимы, неотъемлемые отъ этого рассказа должны быть реальными существами. „Богъ не поставилъ бы простые символы, голыя созданія еврейской фантазіи, при двѣряхъ рая“, справедливо замѣчаетъ Килифотъ⁶³⁾. И въ книгѣ пророка Іезекіиля херувимы являются точно также духовными существами высшаго порядка. Это видно особенно изъ XXVIII-ой главы (ст. 14—16), гдѣ пророкъ отъ лица Божія говоритъ о князѣ тирскомъ и сравниваетъ его высокое положеніе съ положеніемъ херувима: *сз херувимомъ вчинишъ тя*; сравнивать человѣка съ чѣмъ-то не существующимъ въ дѣйствительности невозможно.

Итакъ нѣтъ никакихъ основаній отступать отъ всеобщаго преданія древней христіанской Церкви, по которому подъ четырьмя животными-херувимами, видѣнными пророкомъ Іезекіилемъ, слѣдуетъ разумѣть высшія духовныя существа, одинъ изъ чиновъ ангельскихъ. Поэтому и въ Апокалипсисѣ четыре животныя являются рядомъ съ сонмами ангеловъ предъ престоломъ Божиимъ (Апок. гл. V и VII). Защитники исключительно сим-

⁶³⁾ Keil, a. a. O. S. 23.

волическаго значенія херувимовъ утверждаютъ, что четыре животныя въ Апокалипсисѣ всегда рѣзко различаются отъ ангеловъ и даже отъ *осъхъ* ангеловъ: *и вси ангели стояху окрестъ престола и старецъ и четырехъ животныхъ* (Апок. VII, 11),—животныя здѣсь выдѣляются изъ сонма ангеловъ, какъ бы не считаются ангелами. Но такое пониманіе указанныхъ мѣстъ Апокалипсиса далеко несправедливо. Во-первыхъ, дѣленіе небесныхъ существъ на два хора или класса, при чемъ къ одному принадлежать животныя и старцы (Апок. V, 8), къ другому—ангелы (ст. 11), нисколько не говоритъ противъ ангельской природы херувимовъ, подобно тому какъ различеніе *вой небесныхъ* отъ *ангела* въ Евангеліи Луки (II, 13: *и внезапно бысть со ангеломъ множество вой небесныхъ*) вовсе не значить, что это *множество вой небесныхъ* были не ангелы. Во-вторыхъ, и приведенное мѣсто изъ Апокалипсиса, VII 11, если читать его въ греческомъ текстѣ, нисколько не противорѣчитъ отнесенію четырехъ животныхъ къ сонму ангеловъ. Здѣсь читается именно не πάντες ἄγγελοι „всѣ вообще ангелы“, а πάντες οἱ ἄγγελοι „всѣ эти ангелы“, т. е. всѣ раньше упомянутые *тмы темъ и тысящи тысящей* ангеловъ (Апок. V, 11)⁶⁴). Изъ различенія четырехъ животныхъ-херувимовъ отъ другихъ ангеловъ въ Апокалипсисѣ слѣдуетъ только, что херувимы принадлежать къ чину ангеловъ, болѣе другихъ приближенному къ престолу Божію.

Сказать что-нибудь болѣе определенное о природѣ херувимовъ и объ ихъ отношеніи къ прочимъ ангеламъ невозможно по недостатку для этого данныхъ въ Св. Писаніи. Имя херувимовъ не поможетъ намъ рѣшить эти вопросы. Существуетъ много попытокъ выяснить происхожденіе и значеніе имени *кѣруб*, но ни одна изъ нихъ не привела еще къ твердымъ и безспорнымъ результатамъ. Прежде всего, корень слова *кѣруб* стараются найти въ еврейскомъ языкѣ. Думаютъ, что оно составлено изъ сравнительнаго союза קָ *кэ* „какъ“ и כִּרְב *роб* „множество“ и значить: „какъ множество, подобный множеству“, т. е. существо пред-

*) Ср. Keil ibid.

ставляющее собою объединение множественности ⁶⁵); Филонъ производить *кэрубим* даже отъ трехъ словъ: *кэ-роб-бин* (קרבין „смысль“), — „не даромъ Филона подозрѣвали въ недостаточномъ знаніи еврейскаго языка!“ замѣчаетъ по поводу такого производства А. А. Оленицкій ⁶⁶). Существуетъ и другое подобное же раввинское производство слова *кэруб*: изъ *кэ* и קרב *рабья* „отрокъ“: «подобный отроку» ⁶⁷). Но всѣ эти производства погрѣшаютъ противъ законовъ еврейской грамматики. Предполагаютъ далѣе, что *кэруб* произошло изъ קרב *рэкуб* вслѣдствіе перестановки согласныхъ и такъ же, какъ и послѣднее слово, значить: «колесница»; указываютъ при этомъ на то, что въ Св. Писаніи херувимы иногда представляются какъ бы колесницею Божіею (напр. 1 Пар. XXVIII, 18. Пс. XVII, 11.) ⁶⁸). Однако херувимы далеко не всегда являются въ Св. Писаніи съ такимъ значеніемъ, и, напр., оно совсѣмъ не подходитъ къ тѣмъ херувимамъ, которые были поставлены Господомъ на пути къ древу жизни; съ другой стороны, и производство словъ при помощи перестановки согласныхъ вовсе необычно въ еврейскомъ языкѣ. Не можетъ быть допущено и производство отъ קרב *кареб* «быть близкимъ, приближаться», откуда *кэруб* значить: приближенный къ Богу ⁶⁹), — корни этихъ двухъ еврейскихъ словъ совершенно различны. Нѣкоторые производятъ *кэруб* отъ корня קרב *караб*, и такъ какъ этотъ глаголъ не употребляется въ еврейскомъ языкѣ, то стараются опредѣлить его значеніе при помощи другихъ семитскихъ языковъ или изъ сравненія значенія родственныхъ этому корню еврейскихъ глаголовъ. Такъ, сравниваютъ корень *караб* съ сирскимъ глаголомъ *кэраб* «сѣчь, высѣкать», откуда *кэруб* значить «иссѣченный, изваянный», т. е. статуя,

⁶⁵) Hengsterberg, см. G. F. Oehler, Theologie des Alten Testaments, 2 Aufl. Stuttgart 1882, S. 402.

⁶⁶) А. А. Оленицкій, Гетхозавѣтный храмъ въ Иерусалимѣ, изд. Прав. Палест. Общества, С.-Петербургъ 1889, стр. 168 прим. 1.

⁶⁷) Ibid. стр. 161.

⁶⁸) Buxtorf, Umbreit, Hofmann, Riehm, см. Frdr. Delitzsch, Wo lag etc. S. 154; ср. Gesenius, Handwörterbuch, S. 403, Schroeder, Der. Pr. Ezechiel, S. 110.

⁶⁹) H. Zschokke, Theologie der Propheten des Alten Testaments, Freiburg im Breisgau 1877, S. 252.

γλοπτόν ⁷⁰⁾). Въ арабскомъ языкѣ глаголь *kàраба* значить «спутывать», а затѣмъ; «пугать, страшать»; поэтому нѣкоторые слову *кэруб* даютъ значеніе: пугающее, страшное существо ⁷¹⁾, другіе, въ виду того, что производное отъ этого арабскаго глагола: *мукраб* значить «сильный», присвояютъ это значеніе и слову *кэруб* ⁷²⁾. Сближаютъ корень слова *кэруб* съ родственнымъ ему еврейскимъ глаголомъ קָרַב *карам* «быть благороднымъ»: *кэруб* значить — «благородный, знатный» ⁷³⁾. Но эти производства стоятъ на весьма шаткой почвѣ, такъ какъ значеніе всѣхъ этихъ родственныхъ глаголовъ твердо не опредѣлено, да если бы оно и было опредѣлено, и тогда нельзя было бы поручиться, что *кэруб* имѣетъ одинаковое значеніе съ тѣмъ или другимъ родственнымъ ему словомъ. Такимъ образомъ, изъ еврейскаго и ближайшихъ къ нему семитскихъ языковъ невозможно вывести значенія слова *кэруб*. Поэтому обращаются къ языку ассирійскому и даже къ арійскимъ нарѣчіямъ и здѣсь ищутъ корень этого слова. Сближаютъ слово *кэруб* съ греческимъ γρούψ «грифъ», происходящимъ отъ арійскаго корня grabh или grībh «хватать, грабить». Думаютъ, что и въ еврейскихъ глаголахъ, созвучныхъ съ корнемъ *караб*, можно найти видоизмѣненія понятія «хватать, грабить»; таковы, напр., קָרַב *кареб* «быть опустошеннымъ» и «опустошать», קָרַב *кареб* «приближаться» и «выступать противъ кого-либо» и неупотребительные глаголы: קָרַב *караб* «вырывать» и קָרַב *караб* «срывать, соскабливать». Отсюда заключаютъ, что корень grabh съ значеніемъ «хватать» принадлежитъ не только арійскимъ, но и семитскимъ языкамъ, и что отъ этого корня и произошло еврейское имя *кэруб* и греческое γρούψ, — таеъ называлась мифическая четвероногая птица, охранявшая, по мнѣнію древнихъ, золото гдѣ-то на горахъ сѣвера. Такое же существо находятъ и въ индійской мифологіи, гдѣ оно называется garuda

⁷⁰⁾ Hävernick, o. c., S. 5 Anm., ~~cp. Böhmcr, Real-Encyclopädie~~ h1sg. v. Herzog, Art. «Engel».

⁷¹⁾ См. Oehler l. c.

⁷²⁾ См. Frdr. Delitzsch l. c.

⁷³⁾ См. Oehler, Frdr. Delitzsch II; сс.

и служить для перелета Вишну по воздуху ⁷⁴). Ассириологи встаютъ противъ такого производства слова *кэруб* и думаютъ, что оно непременно вавилонскаго происхожденія. Они сближаютъ херувимовъ съ вавилонскими колоссальными статуями, имѣвшими тѣло быка, лицо человѣка и крылья птицы. Эти статуи помѣщались обыкновенно при входѣ въ храмы и дворцы и служили, очевидно, для ихъ охраненія; съ другой стороны, семь вавилонскихъ низшихъ божествъ изображеніями которыхъ были, повидимому, эти статуи, назывались «носителями престола боговъ», чѣмъ еще болѣе подерѣпляется ихъ сходство съ херувимами. И одно изъ именъ, которыми называются эти божества въ клинообразныхъ надписяхъ, весьма близко къ имени херувимовъ: они назывались *kirubi*. Въ виду этого и самое имя *кэруб*, подобно *kirubi*, производятъ отъ ассирійскаго слова *gubi* «великій», изъ этого слова образуютъ глаголъ *karabi* «быть великимъ, могучимъ», откуда *кэруб* и *kirubi* значить: великое могучее божество ⁷⁵). Если бы было твердо доказано существованіе въ ассирійскомъ языкѣ наименованія *kirubi* въ приложеніи къ вавилонскимъ крылатымъ статуямъ быковъ съ лицомъ человѣка, то родство этого наименованія съ библейскимъ именемъ *кэруб* было бы весьма вѣроятно. Но существованіе такого наименованія основывается всего только на одной надписи на талисманѣ, гдѣ въ двухъ рядомъ стоящихъ тождественныхъ фразахъ сопоставляются имена *šedu*, обычное имя названныхъ статуй, и *kirubi*. Поэтому, пока не имѣется новыхъ данныхъ, подтверждающихъ такое наименованіе, едва ли возможно строить тѣ или другія предположенія относительно его значенія и родства съ словомъ *кэруб*. Есть, наконецъ, мнѣніе, что въ основѣ библейскаго представленія о херувимахъ лежатъ египетскіе сфинксы, которыхъ евреи видѣли во время своего пребыванія въ Египтѣ, и изображенія которыхъ будто бы сдѣланы были Моисеемъ въ скинии ⁷⁶). Всѣ

⁷⁴) Ewald, Die Propheten, II, S. 342; Dillmann, D. Schenkel's Bibel-Lexikon I Bd. S. 509 ff.; Hitzig o. c. S. 17; Fürst, Handwörterbuch S. 627 f.

⁷⁵) Frdr. Delitzsch, Wo lag das P., S. 150 ff. и въ изданіи Baer'a Liber Ezechielis p. XIII; Schrader, Die Keilinschriften und das Alte Testament, 2. Aufl. Giessen 1883, S. 39. etc.

⁷⁶) См. Dillmann l. c. S. 509.

эти предположенія говорятъ только о томъ что у всѣхъ древнихъ народовъ имѣлись различныя божества, напоминавшія собою библейское изображеніе херувимовъ; возможно, что даже имена этихъ божествъ или вообще—мнѳическихъ существъ наминали собою имя херувимовъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что библейское представленіе о херувимахъ возникло изъ этихъ языческихъ мнѳовъ; наоборотъ,—эти мнѳы могли содержать въ себѣ отдаленный отблескъ библейскаго представленія. Можетъ быть, въ нихъ слышался отголосокъ библейскаго сказанія о херувимахъ, поставленныхъ на пути къ древу жизни; всѣ эти грифы, волообразныя статуи и т. под. представляютъ собою страшилищъ, охраняющихъ различныя сокровища и не допускающихъ людей проникнуть къ нимъ,—въ этомъ, можетъ быть, сказалось смутное преданіе о херувимахъ съ пламеннымъ обращающимся мечомъ, столь страшныхъ для нашихъ согрѣшившихъ прародителей. Что же касается этимологіи слова *хѣруб*, то приходится признать невозможнымъ твердо и окончательно опредѣлить происхожденіе этого слова, до того времени, пока не поможетъ этому какое нибудь счастливое открытіе въ области семитской филологіи. Во всякомъ случаѣ, нужно думать, что корень слова *хѣруб* находится въ еврейскомъ языкѣ, что оно происходитъ отъ какого-либо древняго слова, вышедшаго впоследствии изъ употребленія или просто случайно не встрѣчающагося въ Библии.

То наименованіе херувимовъ, которое употребляется пророкомъ Іезекіилемъ при описаніи видѣнія на рѣкѣ Ховарь, а также и св. Іоанномъ Богословомъ въ Апокалипсисѣ, т. е. наименованіе *хаййот*—*חַיִּוֹת*—*животная*, можетъ служить лишь для опредѣленія символическаго значенія херувимовъ, которое они несомнѣнно имѣютъ; о природѣ же ихъ и объ ихъ отношеніи къ остальнымъ чинамъ ангельскимъ и это наименованіе ничего не говоритъ. Изъ наименованія херувимовъ „живыми существами“, безъ всякихъ дальнѣйшихъ опредѣленій и ограниченій, вытекаетъ то заключеніе, что они являются близъ престола Божія какъ представители высшей и совершеннѣйшей полноты жизни—насколько это возможно для сотворенныхъ существъ. Такоо

ченіе херувимовъ, вытекающее изъ ихъ имени, подтверждается и тѣмъ, что эти ангелы стоятъ ближе всѣхъ другихъ тварей къ Богу, что имъ же было поручено охраненіе древа жизни, и что форма, въ которой они являются людямъ около престола Божія, указываетъ именно на присущую имъ высшую полноту жизни. Богъ, какъ источникъ жизни, награждаетъ тварей жизнью тѣмъ въ большей степени, чѣмъ ближе къ Нему стоятъ эти твари; херувимы же стоятъ настолько близко къ Богу, что являются какъ бы непосредственными соучастниками жизни Божіей (конечно, въ ограниченномъ смыслѣ) и по справедливости заслуживаютъ наименованія „живыхъ существъ“. Имъ поручается и охраненіе древа жизни и всего рая, какъ того мѣста, гдѣ люди, не оскверненные грѣхопадениемъ, могли бы наслаждаться безсмертіемъ и блаженною жизнью въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Богомъ. Подобное же значеніе имѣла и форма, въ которой являлись херувимы.

Херувимы являлись людямъ, какъ уже сказано, въ различныхъ образахъ; и эти образы, особенно тѣ, которые описаны у пророка Іезекіиля, вполне соотвѣтствуютъ значенію херувимовъ, какъ существъ, болѣе всѣхъ небесныхъ и земныхъ тварей обладающихъ полнотою жизни. Эти образы соединяютъ въ себѣ все, что есть самаго прекраснаго и совершеннаго въ какомъ бы то ни было видѣ земныхъ существъ. И прежде всего—*подобіе человека въ нихъ*: животныя-херувимы, видѣнныя пророкомъ Іезекіилемъ, по своему внѣшнему виду были подобны человѣку. Ранѣе было замѣчено, что таковы же были, по всей вѣроятности, и херувимы, поставленные на пути къ древу жизни, и ихъ изображенія въ скинни и храмѣ; и ангелы, являясь человѣку, принимали обыкновенно человѣческій образъ. Причина этого въ томъ что человѣкъ, созданный по образу и по подобію Божію, есть высочайшее и совершеннѣйшее изъ всѣхъ земныхъ тварей Божіихъ; хотя образъ Божій заключается въ духовной природѣ человѣка, но и его тѣло, вмѣстѣлище души, носитъ на себѣ печать земного совершенства и потому наиболѣе пригодно для того, чтобы быть орудіемъ явленія невидимыхъ духовныхъ существъ смертнымъ очамъ человѣка. Но, будучи подобны человѣку по своему внѣш-

нему виду, херувимы въ видѣніи пророка Іезекіиля имѣютъ и значительныя отличія отъ него, отличія, въ которыхъ символически выражается превосходство этого высшаго ангельскаго чина надъ человѣкомъ и полнота жизни херувимовъ. Послѣднее значеніе особенно ясно проявляется въ томъ, что каждый изъ херувимовъ имѣлъ четыре лица: спереди—лицо человѣка, справа—лицо льва, слѣва—вола и сзади—орла. Здѣсь берутся представители всѣхъ одушевленныхъ земныхъ существъ. По раввинскому объясненію, „четыре существа имѣютъ первенство въ семь мірѣ: между (всѣми) тварями человѣкъ, между птицами—орель, между скотами—волъ и между звѣрями—левъ“ ⁷⁷). Конечно, такое дѣленіе всѣхъ земныхъ существъ на четыре класса не можетъ разсчитывать на естественно-научную точность, но такой точности и не требуется: то несомнѣнно, что четыре существа, лица которыхъ носили на себѣ херувимы, занимаютъ выдающееся положеніе между всѣми земными тварями по своей природѣ, и что соединеніе ихъ служило именно для того, чтобы представить превосходство херувимовъ надъ всѣми тварями. Спереди херувимы имѣли лицо человѣка, въ соотвѣтствіе съ общимъ своимъ видомъ и для выраженія разумной силы, представителемъ которой служить человѣкъ. Левъ и волъ служатъ представителями тѣлесной силы, причемъ левъ является олицетвореніемъ храбрости и царственнаго величія, а волъ—неутомимости и выносливости. Орель служитъ выраженіемъ быстроты полета и остроты зрѣнія. Такимъ образомъ херувимы, какъ высшія изъ всѣхъ сотворенныхъ Богомъ существъ, представители высшей полноты жизни, сосредоточиваютъ въ себѣ въ высочайшей степени всѣ духовныя и тѣлесныя силы и способности, присущія тварямъ. Дальнѣйшія подробности ихъ внѣшняго вида соотвѣтствуютъ такому значенію херувимовъ. Они имѣли по четыре крыла, подъ которыми были человѣческія руки. Крылья, обычная принадлежность ангеловъ (ср. Дан. IX, 21. Апок. VIII, 13), выражаютъ способность ангеловъ быстро исполнять повелѣнія Божіи, способность, не стѣняемую никакимъ пространствомъ и временемъ. Шумъ, производимый крыльями при полетѣ херуви-

⁷⁷) Schemoth rabba 23, см. Keil, Commentar, S. 25.

мовъ, слѣдуетъ отнести къ числу признаковъ, характеризующихъ силу и могущество этихъ представителей полноты тварной жизни. На ихъ могущество указываютъ и человѣческія руки подъ ихъ крыльями, руки, дающія столь значительное преимущество человеку предъ всѣми земными животными. Ноги херувимовъ служили имъ не для передвиженія, а для стоянія на землѣ; этимъ назначеніемъ ногъ, а также тѣмъ, что херувимы двигались во всѣ стороны, не измѣняя положенія тѣла, объясняются и уклоненія формы ихъ ногъ отъ ноги человѣка: ноги херувимовъ были прямыя, т. е. не имѣли колѣнныхъ сгибовъ, и были подобны ногъ тельца, т. е. заканчивались круглыми ступнями, похожими на копыта. Въ такой формѣ ногъ херувимовъ нѣтъ основаній отыскивать то или другое символическое значеніе: она объясняется только назначеніемъ ногъ, необходимость ея обуславливается способомъ передвиженія херувимовъ. Что касается послѣдняго, то онъ указываетъ на полное подчиненіе жизни и дѣятельности херувимовъ волѣ Божіей: *а може аще бже духъ еже шествовати, шествоваху и не обращахуся* (ст. 12). Жизнь и дѣятельность животныхъ — херувимовъ была настолько согласна съ Божественнымъ дыханіемъ, изначала вложеннымъ въ нихъ Богомъ, что каждое ихъ движеніе было непосредственнымъ слѣдствіемъ ихъ воли, вполне согласной съ волею Божіею; имъ не приходилось даже тратить силъ и времени на промежуточные дѣйствія между побужденіемъ и дѣйствіемъ, не приходилось оборачиваться, чтобы идти туда, куда влекъ ихъ духъ: они могли идти во всѣ стороны не оборачиваясь. Такъ какъ херувимы находились у престола Божія и служили какъ бы живой колесницей для славы Господней, то эта подвижность ихъ могла образно выражать понятіе вездѣсущія Божія: херувимы безъ всякаго препятствія, легко и быстро могли переносить славу Божію во всѣ концы земли.

Но одинъ образъ полета, хотя бы самаго легкаго и быстрого, оказался недостаточнымъ для выраженія вездѣсущія Божія; для той же цѣли служить между прочимъ и образъ колесъ особаго устройства, такихъ, которыя могли двигаться во всѣ стороны. Колеса находились на землѣ, по одному около каждаго херувима,

и двигались совершенно согласно съ херувимами, *зане духъ жизни бяше въ колесѣхъ* (ст. 20). Пророкъ долго останавливается на описаніи движенія колесъ, повторяя свое описаніе и въ X-й главѣ (ст. 11. 16. 17), при чемъ особенно отмѣчаетъ полное согласіе движенія колесъ и херувимовъ. Такимъ согласіемъ выражается не только удобоподвижность колесницы Божіей, или вездѣсущіе Божіе, образно представляемое этою удобоподвижностью, но и—полное подчиненіе всего мірового порядка вложенному въ него Богомъ „духу жизни“ и въ то же время—полная гармоничность и стройность этого мірового порядка. Какъ животныхъ—херувимовъ, такъ и колесъ было четыре; каждое колесо имѣло четыре стороны и каждое животное—четыре лица и крыла,—ясно, что число четыре имѣеть какое-то символическое значеніе въ видѣніи пророка Іезекіиля. Въ Ветхомъ Завѣтѣ число четыре является символическимъ числомъ міра ⁷⁸⁾, такъ какъ земля представляется съ четырьмя концами или крылами (Ис. XI, 12. Іез. VII, 2. Зах. VI, 1—5 ср. Апок. VII, 1). Отсюда понятно, почему это число является и въ видѣніи пророка Іезекіиля: животныя и колеса служатъ здѣсь представителями міра, надъ которымъ простирается небо—твердь, служащее подножіемъ Божіимъ. И полное согласіе движенія колесъ и животныхъ именно указываетъ на гармонию міровой жизни, управляемой Божіими законами. Самый образъ колесъ въ видѣніи пророка Іезекіиля объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что животныя и колеса должны были представлять собою подобіе колесницы Божіей. Мы уже указывали на слова 1-й книги Паралипоменонъ, XXVIII, 18, гдѣ херувимы, поставленные въ храмъ Соломономъ, называются *подобіемъ колесницы*; въ псалмѣ XVII-мъ говорится: *и възде* (Господь) *на херувимы и летѣ, летѣ на крилу вътренью* (ст. 11); затѣмъ, въ книгѣ Премудрости Іеуса сына Сирахова видѣніе пророка Іезекіиля прямо называется колесницею: *Іезекіиль, иже видѣ видѣніе славы, юже показа ему въ колесницѣхъ херувимствъ* (XLIX, 10). Все это показываетъ, что мысль о подобіи колесницы

⁷⁸⁾ Ваегг, см. Олесницкій, Ветхозавѣтный храмъ, стр. 184; ср. Knabenbauer i. с. р. 38—39.

въ видѣнїи пророка Іезекїиля не чужда Св. Писанію; возможно, что и колеса являются здѣсь съ тою цѣлю, чтобы дополнить этотъ образъ. Подобіемъ колесницы, быстро и безпрепятственно движущейся во всѣ стороны, Господь изображаетъ Свое вседѣ- сущіе, неограниченность временемъ и пространствомъ, а необы- чайность и великолѣпіе этой колесницы указываютъ на величіе и неприступность Божию. Образъ колесъ употребляется и въ описанїи пророкомъ Данїиломъ *Ветхаго денни: престолъ его— пламень огненный, колеса его—огнь палящъ* (Дан. VII, 9), хотя это описаніе и отличается отъ описанія колесъ у пророка Іезекїиля: здѣсь они изображаются только блестящими, подобными сариссу (ст. 16), но не огненными.

Ободья колесъ, а равно и тѣла херувимовъ, какъ это видно изъ X-ой главы книги пр. Іезекїиля (ст. 12), кругомъ были полны глазъ. Глазъ человѣческой служитъ наилучшимъ вырази- телемъ духовной силы, духовныхъ способностей человѣка; поэтому обиліе глазъ можетъ указывать на обиліе этихъ способностей, на высшую ихъ степень. Или еще ближе: глаза означаютъ про- ницательность, прозорливость небесныхъ существъ; способность ихъ проникать въ отношенія человѣческія и понимать сообщаемыя имъ Богомъ тайны Его домостроительства. Трудно объяснить, по- чему и колеса являются полными глазъ. По всей вѣроятности, колеса мыслятся какъ нѣчто неотдѣлимое отъ херувимовъ, допол- няющее ихъ образъ, хотя и не связанное съ ними фактически; поэтому тѣ признаки, которыми характеризуются духовныя спо- собности херувимовъ, сообщаются и колесамъ.

Остается объяснить только одинъ образъ, описанный проро- комъ Іезекїилемъ,—это видъ огненныхъ горящихъ углей или мерцающихъ свѣтильниковъ среди животныхъ-херувимовъ, о чемъ говорится въ 13-мъ стихѣ I-ой главы и во 2-мъ и 7-мъ сти- хахъ X-ой главы пророческой книги. Пророкъ Исаія при опи- санїи своего видѣнїя говорить о жертвенникѣ, съ котораго сера- фимъ взялъ уголь (Ис. VI, 6); о жертвенникѣ предъ престо- ломъ Божиимъ упоминаетъ и св. Іоаннъ Богословъ въ Апока- липсисѣ (VI, 9. VIII, 3). Значить, и пророкъ Іезекїиль въ

указанныхъ мѣстахъ говорить о жертвенникѣ, который онъ видѣлъ среди четырехъ животныхъ подъ престоломъ Божиимъ; огонь этого жертвенника, подобный блеску молніи, и мерцаніе его углей, походившее на мерцаніе движущихся свѣтильниковъ, пророкъ и описалъ въ 13-мъ стихѣ I-ой главы. Этотъ жертвенникъ былъ, очевидно, подобіемъ того *олтаря кадильнаго*, который въ святилищѣ храма стоялъ передъ самою завѣсою, отдѣлявшею святилище отъ святого святыхъ, а въ день очищенія вносился и въ самое святое святыхъ ⁷⁹⁾. И этотъ жертвенникъ долженъ былъ показывать пророку, что Богъ, явившійся ему, есть Богъ народа еврейскаго, невидимо обитавшій въ храмѣ и не покинувшій и въ плѣну Своего невѣрнаго народа. Съ другой стороны, этотъ жертвенникъ съ постоянно горящимъ на немъ огнемъ могъ имѣть то символическое значеніе, въ связи съ животными и колесами—представителями міра, что міръ никогда не перестаетъ нуждаться въ промышленности Божию, а Богъ никогда не перестаетъ заботиться о мірѣ; всегда происходитъ общеніе Бога съ міромъ, символически выражающееся жертвой.

Такимъ образомъ, полное блеска и великолѣпія явленіе пророку Іезекіилю славы Господней должно было направить его мысль къ храму Іерусалимскому, какъ главному предмету его будущей проповѣди, увѣрить плѣнниковъ еврейскихъ въ томъ, что Господь не оставитъ и въ плѣну народъ Свой, и символически указать на владычество Божіе надъ міромъ и промышленіе о немъ. Но существуетъ множество и другихъ объясненій видѣнія на рѣкѣ Ховарь, несогласныхъ съ приведеннымъ. Въ своемъ комментарий на книгу пророка Іезекіиля блаж. Іеронимъ приводитъ нѣсколько древнѣйшихъ объясненій даннаго видѣнія. Такъ, по его словамъ, многіе давали четыремъ животнымъ, видѣннымъ пророкомъ, философское объясненіе. „Многіе“ говоритъ онъ, „по Платону, къ человѣку, льву и тельцу относятъ разумную способность души, раздражительность и пожеланіе, что онъ называетъ λογικόν, θυμικόν и ἐπιθυμητικόν; разумъ, сознаніе, мысль и разсудительность, или добродѣтель мудрости, они полагаютъ въ твердыни мозга;

⁷⁹⁾ Олесницкій въ назв. соч. стр. 110.

жестокость, раздражительность и насиліе, сосредоточивающіяся въ желчи, (они относятся) ко льву; далѣе, похоть, невоздержаніе и всякое чувственное пожеланіе (они полагаютъ) въ печени, т. е. въ тельцѣ, который привязанъ къ земнымъ обстоятельствамъ. Четвертою же (способностью души) признаютъ ту, которая надъ этими тремя и внѣ ихъ, которую греки называютъ *συντήρησις*; эта искра совѣсти не погасаетъ даже въ сердцѣ Каина (Адама?) по изгнаніи его изъ рая, и благодаря ей мы чувствуемъ, что погрѣшили, когда подчиняемся страстямъ или гнѣву или обманываемся иногда кажущеюся разумностію. — — Есть такіе, которые просто полагаютъ, что въ четырехъ животныхъ представляются, согласно съ мнѣніемъ Гипократа, четыре элемента міра, изъ которыхъ все состоитъ: огонь, воздухъ, вода и земля. — — Четыре же колеса, поднимающіяся отъ земли вверхъ и соединенныя съ каждымъ изъ четверосоставныхъ животныхъ, они признаютъ или за соединеніе тѣхъ же элементовъ, или за кругъ четырехъ временъ, состоящихъ изъ трехмѣсячныхъ періодовъ, и за обращающійся годъ, получившій такое названіе оттого, что онъ проходитъ и постоянно снова возвращается“ и т. д.. „Помню,— я слышалъ, что четыре животныхъ означаютъ четыре волненія, о которыхъ весьма подробно разсуждаетъ Цицеронъ въ Тускуланскихъ бесѣдахъ,—волненія радости, скорби, желанія и страха, изъ которыхъ два относятся къ настоящему, а два—къ будущему; — — имъ противопологаются, или лучше—къ нимъ прилагаются четыре добродѣтели: мудрость, справедливость, мужество и воздержаніе. — — Читалъ я и краткое разсужденіе некоего Катины, котораго спрійцы называютъ *λεπτός*, т. е. остроумнымъ и даровитымъ, и который думаетъ, что здѣсь изображается расположеніе лагеря двѣнадцати колѣнъ въ пустынѣ“⁸⁰). Последнее объясненіе видѣнія пророка Іезекіиля, подробно излагаемое далѣе блаж. Іеронимомъ, можно назвать уже не философскимъ, а историческимъ. Таково же и объясненіе еврейскаго ученаго Кимхи, который подъ четырьмя колесами разумѣетъ четыре всемірныя царства: вавилонское, персидское, греческое и римское, а подъ животными—че-

⁸⁰) Migne, Patrologiae ser. lat. XXV, coll. 22—23.

тыре ангела этихъ царствъ, на основаніи книги пророка Даниила X, 13, 20, 21⁸¹). Но наибольшимъ распространеніемъ пользовалось все-таки то толкованіе, по которому херувимы суть высшіе ангелы. При этомъ еврейскіе толкователи считали четырехъ животныхъ-херувимовъ, видѣнныхъ пророкомъ Іезекіилемъ, представителями четырехъ ликовъ ангельскихъ, во главѣ которыхъ стоятъ архангелы Михаилъ, Гавріиль, Уріиль и Рафаиль. Точно также и колеса, по ихъ мнѣнію, суть высшія духовныя существа и принадлежатъ къ числу ангеловъ; въ книгѣ Еноха и у Маймонида одинъ изъ чиновъ ангельскихъ называется *офанним*, т. е. „колеса“⁸²). У христіанскихъ же толкователей преобладало то мнѣніе, что поды четырьмя животными-херувимами въ книгѣ пророка Іезекііля символически представлены четыре Евангелія; такого мнѣнія держится и блаж. Іеронимъ. Его толкованіе можно представить въ такомъ видѣ: четыре животныя суть четыре Евангелія, причемъ каждое изъ Евангелій разумѣется и поды четырьмя лицами животныхъ: Евангеліе отъ Матѳея—поды лицомъ человѣка, „потому что онъ описалъ какъ бы человѣка: *Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля*“; поды львомъ разумѣютъ Марка, говорящаго въ началѣ своего Евангелія о *гласѣ вопіющаго въ пустыни*; поды тельцомъ — Евангеліе отъ Луки, „которое начинается съ священства Захаріи“, поды орломъ—Іоанна, «который начинается Евангеліе, высоко воспаряя»⁸³). Соприкосновеніе крыльевъ херувимовъ между собою обозначаетъ, что Евангелія летаютъ по всему міру и во всемъ согласны между собою; два крыла херувимовъ, простертыя вверхъ, означаютъ, что Евангелія возлетаютъ къ небу по своему содержанію и возносятъ туда вѣрующихъ, а два крыла, покрывавшія тѣло, показываютъ, что Евангелія заставляютъ умолкнуть человѣческое знаніе и разумъ, или—проповѣдуютъ о покрытіи грѣховъ⁸⁴), и т. д. Последнее толкованіе основывается на томъ, что четыре

⁸¹) См. Schroeder, Der Proph. Hesechie!, S. 38.

⁸²) Ibid., ср. Cook, The Holy Bible, p. 24; Smend, Der Pr. Ezechie!, S. 13.

⁸³) Migne, Patrologiae ser. lat. XXV, col. 21.

⁸⁴) Ibid., coll. 24, 25, 29.

животныя-херувимы, описанныя въ книгѣ пророка Іезекіиля, подобны тѣмъ, которыя описаны въ Апокалипсисѣ св. Іоанна Божьего и которыя символически изображаютъ четыре Евангелія; но символическое значеніе ветхозавѣтнаго изображенія херувимовъ съ одной стороны и новозавѣтнаго съ другой едва ли можетъ всецѣло совпадать, тѣмъ болѣе, что эти изображенія, какъ мы видѣли, не тождественны между собою.

Въ настоящее время находятъ себѣ послѣдователей рационалистическое толкованіе видѣнія пророка Іезекіиля, ставящее это видѣніе на ряду съ древними языческими мифами⁸⁵⁾. Экзегеты—рационалисты утверждаютъ, что пророкъ Іезекіиль, составляя свой рассказъ о явленіи ему Бога Израилева, воспользовался образами, извѣстными ему отчасти изъ еврейской, отчасти изъ языческой мифологіи. Такъ, напр., образъ херувимовъ, носителей престола Божія, онъ взялъ изъ индійской мифологіи, гдѣ имѣется мифическое существо *garuda*, служившее для перелета Вишну по воздуху; но этотъ образъ является у пророка Іезекіиля весьма сложнымъ: херувимъ имѣетъ четыре лица, подобно Брамѣ, и каждое изъ этихъ лицъ отличается отъ другихъ, въ чемъ будто бы отразилось вліяніе арабской мифологіи. Съ арабами пророкъ могъ соприкаться въ плѣну, а у нихъ было пять божествъ, изображавшихся въ видѣ мужчины, женщины, льва, лошади и орла; «оба человѣческія лица Іезекіиль соединилъ въ одно, вмѣсто лошади, важной для араба, земледѣлецъ-еврей взялъ вола»,—такъ и получились будто бы четыре лица херувимовъ. Даже та черта, что херувимы и колеса были полны глазами, взята пророкомъ изъ языческой мифологіи: стоитъ вспомнить тысячеглазаго бога тверди небесной Индру, или павлина, принадлежавшаго богу войны, или многоглазаго Аргуса, превращеннаго въ павлина и т. под.⁸⁶⁾. Но все эти остроумныя и подѣ часъ слишкомъ смѣлыя сближенія, направленныя къ тому, чтобы доказать зависимость описанія видѣнія пророка Іезекіиля отъ языческой мифологіи, нисколько не достигаютъ своей цѣли. Изъ всего этого слѣдуетъ только, что почти у всѣхъ языческихъ

⁸⁵⁾ Ewald, Hitzig, Smend oo. cc. и др.

⁸⁶⁾ Cp. Hitzig, Der Pr. Ezechiel, Ss. 15—18.

народовъ можно найти отдѣльныя черты въ ихъ представленіи о божествѣ, напоминавшія собою библейскій образъ животныхъ-херувимовъ; но ничто не можетъ доказать зависимости послѣдняго отъ перваго. Поэтому, какъ мы уже замѣчали, всего естественнѣе въ этихъ разрозненныхъ чертахъ, тщательно собранныхъ рационалистами изъ всѣхъ языческихъ мифологій, видѣть отдаленные отголоски библейскаго представленія о херувимахъ, затемненнаго и искаженнаго въ языческомъ преданіи. Настаивая на томъ, что въ видѣніи пророка Іезекіиля изображена колесница Божія, рационалисты понимаютъ этотъ образъ грубо—буквально, позабывая, что здѣсь можетъ быть рѣчь только о *подобіи* колесницы (ср. 1 Пар. XXVIII, 18), что самъ пророкъ Іезекіиль нигдѣ не называетъ своего видѣнія подобіемъ колесницы,—а этого не могло бы быть, если бы эта черта была существенною и перво-степенною,—и что въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія, гдѣ говорится о херувимахъ или колесахъ, напр., въ Апокалипсисѣ и въ книгѣ пр. Даніила (VII, 9), эта черта совершенно отсутствуетъ. Да и положеніе херувимовъ подъ сводомъ, необычайный видъ колесъ, отсутствіе какой бы то ни было матеріальной связи между ними и херувимами или сводомъ, огонь между ними и т. под.,—все это ясно говоритъ противъ грубо-матеріальнаго представленія колесницы, навязываемаго пророку Іезекіилю рационалистами. Наконецъ, для православнаго читателя нѣтъ нужды доказывать, что пророкъ Іезекіиль записалъ въ своей книгѣ не собственный вымыселъ, навѣянный языческой мифологіей, а только то, что онъ дѣйствительно созерцалъ на берегахъ рѣки Ховарь, и записалъ не по собственнымъ расчетамъ и побужденіямъ, а по внушенію и вдохновенію Божію.

Серьезнаго вниманія заслуживаетъ новѣйшее объясненіе видѣнія пророка Іезекіиля, предложенное іезуитомъ Hebrans'омъ⁸⁷⁾; это объясненіе можетъ быть названо астрономическимъ. По мнѣнію Hebrans'a, колеса въ видѣніи пророка Іезекіиля, подобныя

⁸⁷⁾ Revue Biblique, 1894 octobre p. 586—604: L. Hebrans, S. J., De visionibus Ezechielis prophetae (срр. I—X). Предшественникомъ его былъ Chiarini въ предисловіи къ своему переводу Вавилонскаго талмуда, *ibid.* p. 603.

глобусу, по своему устройству, представляют небесный кругъ, по которому движутся звѣзды; животныя соотвѣтствуютъ знакамъ зодіака, или созвѣздіямъ; различными, строго согласными между собой движеніями колесъ и животныхъ изображается видимое круговращеніе всего небеснаго свода. Глаза, которыми полны были тѣла животныхъ и ободья колесъ, представляютъ отдѣльныя звѣзды, а огонь, ходящій туда и сюда между животными, и угли огненные означаютъ солнце. Господь возсѣдаетъ на престолѣ, поставленномъ на подобномъ кристаллу сводѣ надъ головами животныхъ, — это должно было показывать господство Бога Израилева надъ всѣми звѣздами и удерживать евреевъ отъ языческаго поклоненія свѣтиламъ. Такова сущность астрономическаго объясненія видѣнія пророка Іезекіиля. Доказательства, приводимыя въ пользу этого объясненія, довольно вѣски и правдоподобны. Прежде всего Невганс ссылается на тотъ общепризнанный фактъ что халдеи, среди которыхъ должны были вращаться плѣнники еврейскіе, отличались большими астрономическими познаніями. Сохранилась, напр., отъ 1100 года до Р. Х. каменная доска съ высѣченными на ней знаками зодіака; извѣстно, далѣе, что халдеи знали точную продолжительность солнечнаго года, имѣли представленіе о движеніи многихъ планетъ, предсказывали лунныя затменія и т. под. Отсюда легко предположить, что евреи, переселенные въ Вавилонъ, подвергались большой опасности и соблазну: халдейская астрономическая наука легко могла плѣнить ихъ воображеніе, отвлечь ихъ отъ истиннаго богопочитанія и склонить къ халдейскому идолопоклонству. По языческому представленію халдеевъ, все небо наполнено было духами, которые управляли движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, владычествовали надъ звѣздами, имѣли вліяніе и на судьбу людей; такимъ образомъ астрономія халдеевъ тѣсно примыкала къ ихъ языческой религіи, и неудивительно, что евреи, увлекшись первою, могли принять и вторую. У самого пророка Іезекіиля есть намекъ на такое совращеніе евреевъ въ идолопоклонство и именно въ связи съ наблюденіемъ небесныхъ свѣтилъ: пророкъ видѣлъ въ преддверіи храма Іерусалимскаго *яко двадцать и пять мужей, задняя*

своя давшихъ ко храму Господню, и лица ихъ прямо къ востоку: и сіи покланяются на востокъ солнцу (Іез. VIII, 16).

Въ виду такой опасности для евреевъ увлеченія языческой астрономіей, Богъ и благоволилъ явиться пророку Іезекіилю въ такихъ образахъ, которые наглядно показывали ему и его будущимъ слушателямъ и читателямъ, что Богъ Израилевъ есть единый Владыка неба и звѣздъ. При этомъ Господь намѣренно пользуется тѣми именно образами, которые были приняты въ халдейской астрономической наукѣ и могли быть извѣстны евреямъ. Въ изображеніяхъ, высѣченныхъ на упомянутой таблицѣ XII вѣка до Р. Х., имѣются нѣкоторыя черты, напоминающія животныхъ, описанныхъ пророкомъ Іезекіилемъ. Тамъ встрѣчается небольшое изображеніе двуглаваго животнаго, — и животныя — херувимы имѣли по четыре головы, по мнѣнію Hebrans'a; другое животное — съ протянутыми ногами и раздѣленнымъ надвое тѣломъ, подобно тому какъ и въ видѣніи пророка Іезекіиля ноги животныхъ были прямыя. Эти изображенія, значительно превосходящія своею древностію книгу пророка Іезекіиля, съ теченіемъ времени могли быть измѣнены, и ко времени жизни пророка могли имѣть ту самую форму, которая сохранилась для насъ въ описаніи животныхъ — херувимовъ, хотя возможно допустить и незначительныя измѣненія въ видѣніи пророка Іезекіиля обычной языческой формы животныхъ. Далѣе, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, вавилоняне дѣйствительно приписывали животнымъ, изображавшимъ созвѣздія, жизнь и нѣкоторое божественное достоинство, называли ихъ даже господами самихъ боговъ; они думали, что какъ земныя событія зависятъ отъ вліянія планетъ, такъ сами планеты находятся подъ вліяніемъ созвѣздій. Этимъ небеснымъ существамъ вполне приличествовала бы та сложная форма, которая соединяетъ разумную силу человѣка съ быстротою орла и разрушительную силу льва съ терпѣливою и благодарною твердостью вола. Надъ этими то животными, «господами боговъ», и возсѣдитъ Богъ Израилевъ, они управляются духомъ жизни, вложеннымъ въ нихъ Богомъ, и движутся въ строгой зависимости отъ воли Божіей. Господь воспользовался

этими языческими образами, чтобы яснѣе показать своему народу полное господство Свое надъ всѣмъ міромъ видимымъ и невидимымъ, подтвердить этимъ истинность богооткровенной религіи и удержатъ народъ отъ увлеченія въ идолопоклонство.

Колеса, описанныя пророкомъ Іезекіилемъ, Nebgrans объясняетъ также въ астрономическомъ смыслѣ. Имя *офан*—«колесо» въ талмудѣ употребляется для обозначенія различныхъ астрономическихъ круговъ: экватора, меридіана, горизонта и пр.; отсюда авторъ заключаетъ, что и у пророка Іезекіиля, подъ вліяніемъ вавилонскихъ астрономическихъ понятій, это имя употребляется въ такомъ же смыслѣ. Подтверженіе этому Nebgrans видитъ въ X-й главѣ, гдѣ колеса называются уже другимъ именемъ, *גלגל* *galgal*, собственно: «вращеніе», отсюда—«колесо» и «вихрь»: *колесамъ же симъ возвзая земля слышащу ми* (Іез. X, 13. ср. 2). По мнѣнію Nebgrans'a, *галгал* значитъ «шаръ»,—онъ доказываетъ это ссылками на нѣкоторыя мѣста Св. Писанія. Такъ, Ис. XVII, 13 онъ переводитъ: «онъ гонимъ какъ горная пыль отъ лица вѣтра и какъ *галгал* предъ лицомъ бури» (слав.: *и далече поженетъ его, аки прахъ плевный вьющихся противу вѣтра, и яко прахъ колесный бурия возносящая*); Пс. LXXXII, 13: *Боже мой, положи я яко коло (галгал), яко трость предъ лицемъ вѣтра*. Въ обоихъ этихъ мѣстахъ *галгал* означаетъ нѣчто легко носимое вѣтромъ, подобно соломѣ или пыли; Nebgrans заключаетъ, что это—нѣчто вродѣ «перекати-поле», растенія, имѣющаго видъ шара и послѣ созрѣванія легко переносимаго по полю вѣтромъ,—такое явленіе наблюдается и въ Палестинѣ во время жатвы или немного позже ея. Значитъ, *галгал* означаетъ именно «шаръ». Это слово можетъ означать и небесный сводъ, какъ заключаетъ Nebgrans изъ Пс. LXXVI, 19: *гласъ грома твоего въ колеси, осветиши молнія твоя вселенную*; вмѣсто «въ колесѣ» (*багалгал*) нѣкоторые переводятъ: «въ небесномъ кругѣ», что подтверждается и вторымъ членомъ параллелизма. Въ такомъ же значеніи слово *галгал* употребляется иногда и въ позднѣйшемъ еврейско-арамейскомъ языкѣ. Отсюда Nebgrans выводитъ заключеніе что и у

пророка Іезекііля слово *гамал* означаетъ небесную сферу, и что если этимъ именовъ въ X-й главѣ названы колеса, то они должны обозначать собою именно небесный сводъ со всеми звѣздами, вокругъ которыхъ расположены созвѣздія—животныя.

Таково астрономическое объясненіе видѣнія пророка Іезекііля. Оно имѣетъ несомнѣнныя достоинства, такъ какъ изъ него ясно и послѣдовательно вытекаетъ значеніе каждаго отдѣльнаго образа въ данномъ видѣніи. Но въ этомъ объясненіи есть и недостатки. Прежде всего, образъ и имя херувимовъ встрѣчаются не впервые въ видѣніи пророка Іезекііля, о херувимахъ неоднократно упоминается въ Св. Писаніи и раньше, и нигдѣ херувимы не имѣютъ того значенія, какое, по мнѣнію Neuberg's'a, они имѣютъ въ книгѣ пророка Іезекііля. Сомнительно далѣе и то, могъ ли бы Господь при своемъ явленіи пророку окружить себя существами, имѣвшими форму языческихъ божествъ, и не заключалось ли бы въ этомъ еще большаго соблазна для евреевъ, чѣмъ въ увлеченіи астрономіей. Затѣмъ, цѣль явленія пророку Господа, какъ ее понимаетъ Neuberg, мало вяжется съ остальнымъ содержаніемъ книги пророка Іезекііля, въ которой довольно часто говорится о явленіяхъ славы Господней, подобныхъ видѣнію на рѣкѣ Ховарь; мы говорили, что пророческая книга говоритъ о судьбѣ Израіля и его храма, и что явленія Господа повторяются въ самые важные моменты исторіи этого храма: трудно предположить, при такомъ содержаніи книги пророка Іезекііля, что эти явленія славы Господней имѣли такую побочную цѣль—удержать евреевъ отъ увлеченія халдейской астрономической наукой. Наконецъ, слабое мѣсто астрономическаго объясненія—въ недостаткѣ твердыхъ данныхъ относительно степени астрономическихъ познаній у халдеевъ во время пророка Іезекііля и относительно проникновенія этихъ познаній въ среду еврейскихъ плѣнниковъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ виду того, что подобный кристаллу сводъ подъ престоломъ Божіимъ несомнѣнно означаетъ небо, и остальные образы видѣнія могли имѣть побочное значеніе, вытекающее изъ ихъ положенія по отношенію къ этому своду: животныя съ

колесами, полныя глазъ, могли означать звѣзды, движущіяся по небесному своду, а жертвенникъ посреди ихъ—солнце.

Итакъ вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ главное содержаніе и значеніе видѣнія на рѣкѣ Ховаръ. Незадолго до разрушенія Іерусалима и храма Господь является священнику Іезекіилу, сыну Вузіеву, среди еврейскихъ плѣнниковъ въ землѣ халдейской, для посвященія его на пророческое служеніе. Такъ какъ главнымъ предметомъ будущей проповѣди пророка долженъ былъ сдѣлаться храмъ Іерусалимскій, какъ центръ религіозной жизни еврейскаго народа, то Господь самыми образами своего явленія направляетъ мысль Іезекіиля именно къ храму: Онъ является ему въ облакѣ, воссѣдая надъ головами херувимовъ, какъ обычно являлся въ скинии и храмѣ надъ ковчегомъ завѣта. Въ соотвѣтствіе съ общимъ характеромъ проповѣди пророка, видѣніе начинается грозными, устрашающими признаками, а заканчивается символическимъ обѣтованіемъ спасенія; Своимъ явленіемъ среди плѣнниковъ Господь свидѣтельствуетъ свою вѣрность завѣту съ народомъ еврейскимъ и обѣщаетъ ему лучшее будущее. Видѣніе носитъ величественный, грандіозный характеръ, указывая на славу и величіе Божіе и на Его владычество надъ міромъ земнымъ и небеснымъ; колеса придаютъ всему видѣнію подобіе колесницы, быстро и легко движущейся во всѣ стороны и являющейся символомъ вседѣсуція Божія.

А. Рождественскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки